

Часть 1

ВЕРСИЙ БОЛЬШЕ НЕТ?

Глава 1

СОМНЕНИЯ МАЙОРА ТЕМИРЗЯЕВА

— Матрену убили! Убили прямо в артели. Сначала насильничали, а потом и грохнули!

Ошарашивающая весть в утро воскресного дня разнеслась по Ямской слободе с невероятной быстротой. Четырнадцатилетнюю Матрену знали в округе все, она вместе со своим дедом работала в ювелирно-художественной артели «Путь Октября». Девочка она была приветливая, разговорчивая. Несмотря на возраст, весьма серьезная, даже умудренная жизненным опытом, какими бывают только дети, лишившиеся в малолетстве родителей.

Трудно было поверить, что у кого-то может подняться на ребенка рука, а тут такое... Ей бы жить долго, дарить добро окружающим. Выйти замуж, рожать детей, а тут у нее отняли все. Не прошло и четверти часа, как у двухэтажного до-

ма по улице Ухтомского, где размещалась ювелирно-художественная артель «Путь Октября», собралась многочисленная толпа, каковая случается разве что по каким-либо праздникам, да и то лишь тогда, когда получено распоряжение от высокого начальства. Наиболее решительно настроенные любопытствующие то и дело пытались проникнуть на второй этаж, в помещения конторы артели, где произошло убийство девочки, однако у входа на лестницу, ведущую на второй этаж, стоял милиционер в шинели из темно-синего сукна и время от времени, отталкивая наглецов руками и делая строгим лицо, негромко прикрикивал:

— А ну, осади! Осади, кому говорю! Куда прешь?! Нельзя, сказал, там разбираются.

Милиционер выстаивал у лестницы напрасно. Первые свидетели, кто обнаружил тело четырнадцатилетней Матрены Поздняковой (или Моти, как называли ее в округе), — а таковых было двое мужчин, да еще трое (две женщины и старик) присоединились к ним через несколько минут — уже успели изрядно натоптать в распахнутой настежь конторе артели и комнате при ней, где на диване лежал растерзанный труп девочки, и тем самым уничтожить следы преступника или преступников.

Ежели, конечно, таковые следы все-таки имелись.

Хорошо хоть, что эти первые посетители конторы не притрагивались к телу убитой Моти и не меняли первоначальное положение. Так что сдерживать зевак, желающих поглазеть на случившееся, особой нужды не было, разве что для порядка. К тому же следовало исполнять приказ начальника городского отделения милиции майора Марата Абдулловича Темирзяева, который самолично немедленно выехал на место преступления — детей в Казани убивают не каждый день. Трагический случай подходил к разряду особых, поэтому личное присутствие руководителя отделения, на территории которого произошло жестокое преступление, совсем нелишнее.

С майором Темирзяевым в помещении конторы артели находился участковый уполномоченный старшина милиции Окулов, прибывший на место преступления из блюстителей правопорядка первым; следователь Кикин из следственной группы отделения милиции, пришедший вместе с Темирзяевым, и судмедэксперт Барановский из бюро судебно-медицинской экспертизы.

Картина, что им предстала при осмотре места преступления, выглядела следующей.

На второй этаж дома, где разместилась контора ювелирно-художественной артели, вела крепкая деревянная лестница, вымытая до зеркального блеска, со стертymi ступенями и с резными крепкими перилами, оканчивающаяся площадкой с деревянными ограждениями по периметру. На площадке — старая, но крепкая дверь, обитая зеленой выцветшей клеенкой, оставшаяся еще со времен государя императора Николая Александровича. Замок в двери остался неповрежденным, что свидетельствовало о том, что либо дверь была открыта изнутри, либо преступник воспользовался родным ключом. К двери был прикреплен небольшой металлический колокольчик, так что при ее открытии звучал громкий звон, извещающий о приходе очередного посетителя или о его уходе. Изнутри дверь закрывалась на крепкий железный крюк, намертво вбитый в стену, — черта лысого выдернешь таковой, даже если ты Гриша Новак!¹ Небольшая передняя со старой деревянной вешалкой в углу продолжалась внутрь конторы узким коридором, с левой стороны которого размещались двери в служебные комнаты.

¹ Григорий Новак — первый советский чемпион мира по тяжелой атлетике (1946 г.), артист цирка, силовой жонглер.

Первое конторское помещение, совсем небольшое, имело двухстворчатую дверь и исполняло еще роль магазина, или, скорее, некоего подобия выставочного зала. В нем за загородкой с перилами высотой по грудь находилось несколько витрин со стеклянными дверцами, где была выставлена продукция, производимая ювелирно-художественной артелью. Это серебряные портсигары и мельхиоровые подстаканники; медные посеребренные и серебряные дамские пряжки, осыпанные прессованными камнями; многочисленные серьги, кольца и броши (некоторые экземпляры имели позолоту); вызолоченные изнутри стопки; позолоченные мельхиоровые десертные чайные и столовые ложки; кожаные браслеты для часов; кулоны разной величины и формы... Каждый посетитель мог купить любое понравившееся изделие из выставленного или заказать понравившееся и внести за него аванс. В эту комнату можно попасть как из коридора, как это делали посетители, так и из помещения конторы.

Вторая комната — это собственно сама контора, где сидели и работали председатель промыслового кооператива, так в официальных бумагах именовалась артель «Путь Октября», бухгалтер (он же кассир), торговый агент, како-

вых в не столь отдаленном времени именовали приказчиками, если он не задействован в магазине и не имел каких-либо дел с посетителями. Здесь было расставлено несколько письменных столов и в самом углу — за рабочим местом председателя кооператива — большой, высотой в человеческий рост, нестораемый темно-коричневый шкаф из толстых металлических листов. В помещения конторы артели можно попасть опять-таки как из коридора, так и из первой комнаты, что по несколько раз, на дню проделывал торговый агент, когда слышал звон колокольчика входной двери, извещающий о приходе очередного посетителя, которого нужно принять и обслужить.

Третья комната жилая, в которой размещались дед Степан Кириллович Поздняков и его покойная внучка Матрена. Обстановка в ней простая — железная кровать деда с плетеным круглым ковриком возле нее, фанерный шифоньер с кое-какой довоенной одежкой и бельем; за цветастой занавесью — пружинный промятый диван с откидывающимися валиками по торцам, на котором коротала ночи Мотя, и этажерка с несколькими книгами и школьными учебниками. Посередине комнаты возвышался квадратный стол и стояли придвинутые к не-

му четыре стула. В углу комнаты, отодвинутый к самой стене, находился табурет, очевидно принесенный когда-то кем-то из кухни, да так здесь и прижившийся. Вход в комнату имелся только из коридора и крохотной кухни, что расположена в самом конце коридора. В нее можно попасть как из коридора, так и из жилой комнаты. В кухне небогато — круглый обеденный раздвижной стол, плетеный шаткий стул, две крепкие табуретки, водопроводный латунный кран с жестяной поцарапанной раковиной и старинный резной буфет под темным лаком, что делало его весьма древним. Впрочем, так оно и было в действительности. Буфет достался Степану Кирилловичу от матери, а той — перешел от ее отца. В его верхней части находилась разная стеклянная и керамическая посуда. На разделочном столе стояли закопченный чайник и керосинка. В двух выдвижных ящиках — ножи-ложки-вилки. В нижней части буфета покоились разнокалиберные поцоканные кастрюли, две большие и тяжелые чугунные сковороды, деревянное корытце с сечкой для рубки капусты и запасы разнообразных круп, куски колотого сахара и мука в кулечках — Степан Кириллович пережил три войны, поэтому, как никто другой, знал, что запас карман не тянет. Осо-

бенно важен он в лихую военную годину. К тому же старики по природе своей народ экономный и запасливый — жизнь научила.

В коридоре, несмотря на тщательный осмотр, крови не обнаружилось. Возможно, что ее не имелось вовсе, но нельзя исключать и того, что ее попросту затоптали те пятеро человек, что первыми проникли в помещение конторы еще до появления сотрудников милиции. Следов борьбы или каких-либо иных признаков совершения преступления, а также кровавых подтеков, брызг, помарок не обнаружено ни в одном из помещений ни на полу, ни на стенах, ни на мебели и иных предметах, исключая жилую комнату, где на диване находится бездыханное тело девочки. И где ее, по всей вероятности, и убили. Орудие убийства, несмотря на самые тщательные поиски, обнаружить так и не удалось. Вероятно, убийца (или убийцы) унес его с собой и где-нибудь по дороге от него избавился. В комнатах был полный порядок — ни разбросанных вещей, ни поломанной мебели, ни комков грязи по углам. Разве что в помещении конторы, где находились столы и несгораемый шкаф, ящики двух столов — бухгалтера и председателя — были выдвинуты и на полу возле них валялись выброшенные из

них папки и листки различных артельных документов. По предположению майора милиции Темирзяева, в ящиках могла находиться изрядная наличность (так впоследствии и оказалось).

Вскоре на место преступления пришел крепкий плечистый мужчина и, посмотрев на Темирзяева, представился:

— Я председатель ювелирно-художественной артели «Путь Октября» Николай Григорьевич Волосюк. Мне передали, что в помещениях произошло ограбление и убийство... Убили Матрену Позднякову. Я решил подойти сразу к вам.

— Правильно поступили, — произнес майор, внимательно разглядывая вошедшего. Волнение, конечно, присутствовало, но вот страха не разобрать. — А то я хотел уже за вами человека отправить.

— Это излишне, — буркнул Волосюк.

— Что вы можете сказать о Матрене Поздняковой?

Николай Волосюк лишь неопределенно пожал плечами:

— Хорошая девочка была. Старательная, исполнительная. Очень жаль ее. Как-то несправедливо с ней обошлась судьба. Строила планы,

мечтала после школы учиться пойти. Художником хотела стать, она ведь рисовала хорошо.

— Осмотрите, пожалуйста, внимательно помещение и определите, что у вас здесь пропало.

— Откуда начинать?

— Как вам будет удобнее.

Николай Волосюк лишь едва кивнул и прошел в соседнюю комнату, где в витринах находился готовый товар. Остановившись, принялся внимательно изучать лежавшие на полках изделия. Переходил от одной витрины к другой, потом вновь возвращался.

Наконец, повернувшись к майору Темирзяеву, с любопытством наблюдавшему за Волосюком, с некоторым удивлением сообщил:

— Из витрин ничего не взяли.

— Вы уверены?

— Абсолютно! Тем более что в витринах выставлены очень хорошие товары. Вот посмотрите на эти два серебряных портсигара, — показал председатель подошедшему Темирзяеву. — Один называется «Витязь», а другой — «Три богатыря». Очень красивая инкрустация. Мы специально выбирали картину, какую следует нанести на поверхность. Много альбомов пересмотрели, прежде чем сделали выбор. Для первого портсигара выбрали картину Виктора

Васнецова «Витязь на распутье». Там он стоит перед камнем и читает свою судьбу. Согласно предсказанию, на камне написано: если он свернет направо — будет убит, налево — женится, а если прямо пойдет — обретет богатство. Вот витязь решил испытать свою судьбу и поехал по той дороге, которая должна принести ему смерть. Но, как мы знаем, все обошлось. Вернулся он и с женой, и с богатством. А вот на второй картине три богатыря — Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович. Они ведь главные герои русских былин, вот я их решил тоже на портсигары нанести. Очень много фронтовиков покупают именно эти портсигары. Ведь каждый из них по-своему витязь.

— Это уж точно... Очень хорошее исполнение, — всмотревшись в рисунки, согласился майор. — С инкрустатором вам повезло.

— Соглашусь... Когда берешь в руки портсигар, так настроение сразу поднимается, — охотно произнес Николай Волосюк. — В Казани больше нет таких мастеров. Из Ижевска его переманил, он там на оружейном заводе инкрустацией занимался. В числе лучших был. Но я ему плачу в два раз больше, чем там. И уверен, что не переплачиваю. Портсигары массивные,

дорогие, на месте грабителей я бы их в первую очередь забрал. А они лежат где лежали. Для меня это странно.

— Так... Еще что можете сказать по своим изделиям?

— Видите у правой стенки сережки?

— Вижу.

— Те, что ближе, — это серебряные позолоченные серьги «Звездочка», а немного подальше — «Калачи», оба изделия недешевые. Их начали выпускать месяц назад. Весьма популярные у женщин. — Николай Волосюк отошел к соседней витрине и указал на среднюю полку: — А вот здесь выставлены броши с россыпью камней. Брошь справа называется «Голубь», а слева — «Червячок». Их молодые женщины предпочитают. Все это можно было забрать без труда, достаточно только выдать стекло в витрине. Но грабитель этого не сделал.

— Может, что в столах пропало? Вы посмотрите.

Николай Волосюк с хмурым лицом вернулся в рабочий кабинет. Подошел к своему столу, выдвинул верхний ящик и достал из него небольшую картонную коробку. Приподняв крышку, посмотрел на майора.

— В этой коробке находилось шестьсот восемьдесят рублей. Теперь их не вижу. Пропали еще и золотые часы «Кировские» с широким кожаным ремешком-напульсником.

Сделав запись в блокнот о пропавших вещах, Темирзяев сказал:

— Смотрите дальше.

Выдвинул еще один ящик. Порылся в его глубине, после чего задвинул.

— Больше ничего не пропало.

— Это точно, что, кроме денег и часов, ничего больше не пропало? — переспросил Николая Григорьевича Темирзяев.

— Точно! — заверил его председатель кооператива и для убедительности кивнул.

— А в какую сумму вы оцениваете ваш товар, оставшийся на полках в витрине? — с интересом спросил Темирзяев.

— Примерно две с половиной тысячи рублей. А может быть, даже и больше.

— Немалые деньги, — произнес Марат Абдуллович, записав сумму в блокнот. — Можете идти. Мы с вами побеседуем позже. Пообстоятельнее.

Уговаривать Николая Волосюка не пришлось. Кивнув в знак согласия, он быстро вышел за дверь.

* * *

Труп Матрены лежал на диване в жилой комнате. Занавеска была отдернута. Так что уже прямо от двери было хорошо видно, что девочку-подростка убили: голова ее была разбита, густые темные волосы слиплись от обилия крови. Лежала она на диване с задранной выше колен юбкой, ноги ее при этом были закинута на слегка прогнувшийся валик и неприлично раздвинуты. Напрашивался вывод, что Мотю сначала изнасиловали, а потом убили, чтобы девочка не могла указать сотрудникам уголовного розыска на своего истязателя. Хотя могло случиться и наоборот: сначала убили, а уже потом изнасиловали. Подобное уже было, и из памяти горожан еще не выветрились воспоминания о нескольких убийствах женщин с последующим изнасилованием, случившихся в тяжелом сорок втором году. Причем женщин сначала именно жестоко убивали, а потом насиловали, во что поначалу трудно было поверить. Пойманный с поличным однорукий инвалид, насильник и убийца, судимый при закрытых дверях, был по приговору суда расстрелян в середине сорок третьего года. Держали его в полнейшей изоляции, опасаясь, что сокамерники его могут придушить.

Что Матрена Позднякова подверглась насилию, сразу же предположили те пятеро человек, что первыми увидели тело бедной растерзанной девочки, и тотчас разнесли тяжелую весть по всей округе. Именно так подумал и участковый уполномоченный Окулов, первым из милиционеров прибывший на место преступления. Он посетовал на то, что свидетели затоптали следы на месте преступления, однако осмотр произвел в должном порядке и отметил про себя, что, в отличие от помещения конторы, в комнате на первый взгляд ничего не тронуту. Опросил всех пятерых, надеясь выудить из их показаний нечто значимое для следствия. Не особо-то и получилось. Все ответы сводились к одному — увидели труп, пережили ужас, никого постороннего не видели и хором жалели погибшую девочку.

Прибывшие немного позже следователь Альфред Кикин и судмедэксперт Георгий Барановский также решили, что произошло изнасилование с последующим убийством. Правда, судмедэксперт отметил для себя, что поза девочки хоть и недвусмысленная, указывающая на явное изнасилование, но для совершения полового акта весьма неудобная. Хотя... насильники тоже бывают разные — и роста, и комплекции.

И предпочтения у них различные. А потом такое положение жертвы могло изувера возбудить.

Осмотр трупа был тщательным и производился довольно длительное время. После чего в бумагах следователя Кикина при участии судмедэксперта Барановского появилась следующая запись...

«Гражданка Матрена Кирилловна Позднякова, четырнадцати лет, роста среднего, телосложения худощавого. Волосы темно-русые, нос с небольшой горбинкой, лицо белое, с правильным овалом.

Тело ее обнаружено утром в воскресенье пятнадцатого февраля 1948 года в районе девяти часов на диване в жилой комнате второго этажа здания, занимаемого промысловым кооперативом «Путь Октября», совершенно холодным. Путем визуального осмотра и ощупывания были определены конкретные признаки окоченения групп мышц, что позволяет определить время наступления смерти. Предположительно, убийство произошло в субботу четырнадцатого февраля от двадцати одного до двадцати трех часов.

Волосы на голове покойной растрепаны и всклокочены, с большим наличием в них крови, которая успела загустеть. Левая рука лежит ровно вдоль

тела. Ее ладонь неплотно сжата в кулак. Правая рука свешивается с дивана, пальцами касаясь пола. Обе ноги заброшены на диванный валик и раздвинуты. Под левым глазом имеется весьма глубокая ссадина длиной два с половиной сантиметра. Левое веко и левый же висок сине-багрового цвета с припухлостью кожи, возможно, от удара кулаком или иным твердым предметом. Посередине лба проникающая рана неправильно-го очертания, в глубине которой прощупывается кость. Еще одна схожая рана имеется на затылке. Оба ранения, одно из которых и могло вызвать смерть, нанесены тупым тяжелым предметом овальной формы с ограниченной поверхностью. На слизистой оболочке верхней губы кровавая ссадина величиною с сантиметр. На верхней части шеи с левой стороны довольно глубокая царапина длиной около трех сантиметров. Грудная клетка сформирована правильно, грудные железы развиты соответственно возрасту. Живот слегка вздут. На левой ноге сине-багровое пятно посередине коленной чашечки и две ссадины не более одного сантиметра в длину. Каких-либо иных телесных повреждений не обнаружено. Наружные половые органы покрыты густым пушком, половая расщелина закрыта сближенными между собой большими детородными губами. Цвет их ес-

тественный. Задняя спайка больших губ гладкая. Каких-либо повреждений и признаков крови на больших детородных губах не обнаружено. Малые губы спрятаны за большими. Цвет их бледный, складок и повреждений не имеют. Девственная плева кольцевидной формы, без следов надрыва и кровоподтеков.

Покойная одета в белые шерстяные чулки, лиловую шерстяную юбку и шерстяную кофточку салатного цвета, на правом рукаве которой в самом низу имеется кровавое пятно размером с доньшко чайного стакана. Под кофточкой и юбкой — белая полотняная рубашка и байковые теплые рейтузы розового цвета. На них спереди с левой стороны присутствует бурое пятно размером с булавочную головку. Низ рубашки и задняя часть рейтуз запачканы обильными испражнениями, случившимися либо от испытываемого прижизненного страха, либо после посмертного опорожнения кишечника.

Диван в том месте, где лежала голова убитой, обильно пропитан кровью. Под этим местом, вследствие протекания, имеются пятна крови и на полу. В прочих частях комнаты следов крови не обнаружено...»

Покуда участковый уполномоченный старшина Окулов и следователь Кикин занимались

опросом свидетелей, начальник городского отделения милиции майор Марат Темирзяев, на земле которого случилось убийство девочки Матрены Поздняковой с возможным покушением на изнасилование, ходил по помещениям конторы артели и размышлял.

А подумать было о чем, ибо что-то в этом деле — и начальник городского отделения милиции это чувствовал всем своим нутром — не склеивалось. Что-то было не так. Не походил нынешний случай на те, с которыми Марату Абдулловичу приходилось сталкиваться прежде за время службы.

Вроде бы получалось, что произошло банальное ограбление с убийством, каковые в Казани, увы, случались в последние месяцы нередко. Неустановленный преступник проник в помещение конторы через входную дверь, которую, по всей видимости, ему открыли. Откуда следует такой вывод? Убийство приходилось на вечер субботы, когда рабочий день закончен, и входная дверь была закрыта кроме ключа еще и на крюк, для усиления, как всегда поступали Поздняковы. Ведь контора ювелирно-художественной артели была еще и их квартирой, где они жили. А тут еще Матрена оставалась одна, поскольку дед ее уехал еще в пятницу в город

Куйбышев навестить свою приболевшую сестру и вернуться обещал только в воскресенье вечером. Конечно же, Мотя заперла дверь на ключ и накинула крюк. Значит, в субботу вечером девочка впустила того, кого хорошо знала и кому доверяла. Иному человеку она бы попросту не открыла дверь.

И тому есть примеры. Свидетельница Имамова, одна из тех пятерых, которые первыми попали в злополучное воскресное утро в контору артели и увидели труп Моти, показала на допросе, что однажды Матрена, когда одна оставалась в конторе, не пустила в нее бухгалтера Рауде в половине девятого вечера забрать нужные документы, сказав, чтобы тот приходил завтра утром. И это несмотря на то что артельный бухгалтер долго и нудно уговаривал девочку, несомненно узнавшую его по голосу, открыть ему. Чего уж тогда говорить о совершенно посторонних людях! Таковым в нерабочее время доступ на второй этаж был наглухо закрыт, и все прекрасно об этом знали. И вообще, Матрена была подростком организованным, благоразумным и весьма рассудительным, что отметили буквально все опрошенные свидетели, которые ее знали. Выходит, что убил ее человек, хорошо ей знакомый. По крайней мере,

доверяла она этому знакомому больше, нежели тому же артельному бухгалтеру Рауде. Отсюда следует вывод — преступника следует искать в окружении покойной Матрены.

Еще один немаловажный момент: почему Мотю убили не в передней и не в коридоре? Она открывает дверь, впускает знакомого ей человека в помещение конторы, некоторое время идет вместе с ним и только потом получает смертельный удар по голове. После чего убийца преспокойно и очень хладнокровно начинает собирать все ценное в свою котомку. Зачем понадобилось грабителю тащить Мотю, скорее всего, на руках в жилую комнату, класть ее на диван и добивать уже в лежачем положении? Почему из витрин в первой комнате конторы не похищено ни одной ценной вещи? Ведь так просто было разбить стеклянные двери и вытащить все ценное, что находилось в витрине! А там, по словам председателя артели Николая Волосюка, разных ювелирных и весьма дорогих вещей было на сумму не менее двух с половиной тысяч рубликов! Если же преступник испугался возможного шума, который может произвести бьющееся стекло, то вполне реально было отыскать ключ от дверей витрины, ведь она в часы работы конторы стояла незапертой,

и ключ от стеклянных дверей, по всей видимости, находился в столе торгового агента.

Почему, опять же, не вскрыт несгораемый шкаф, в котором, надо полагать, находились настоящие деньги, а не те похищенные жалкие шестьсот восемьдесят рублей, что меньше месячного довольствия простого оперуполномоченного? Судя по всему, не было предпринято даже попытки вскрыть металлический шкаф. Что это за грабитель такой, что не имеет желания завладеть ювелирными изделиями, которые можно впоследствии выгодно продать, и даже не пытается вскрыть несгораемый шкаф, в котором наверняка находятся немалые деньги и, возможно, самые дорогие ювелирные изделия артели? А может, его кто-то спугнул, постучавшись в дверь, после чего он решил немедленно ретироваться?

А может, дело вовсе не в ограблении конторы? И убийство Моти совершено вовсе не с целью последующего ограбления, а по каким-то иным, возможно личным, причинам, о которых следствие пока не догадывается? Может, хотели сначала что-то выяснить у нее, поговорить, поэтому-то ее и унесли в жилую комнату и положили на диван. А похищение из ящика председательского стола денег в размере шестисот

восьмидесяти рублей и золотых часов совершено для того, чтобы направить следствие по ложному пути?..

Что ж, все эти вопросы еще раз указывают на то, что следует шерстить всех тех, кто находился в окружении Матрены, был ей наиболее близок и кому она безоговорочно доверяла...

ГЛАВА 2

ЯМСКАЯ СЛОБОДА — ЭТО ВАМ НЕ ХУХРЫ-МУХРЫ

Улица Ухтомского, на которой стоял каменный двухэтажный дом, где размещалась ювелирно-художественная артель «Путь Октября», до революции называлась Первой Ямской. Это потому, что находилась эта улица на территории Ямской слободы — одной из старейших городских слобод. Еще в середине шестнадцатого века за Протокой, где начинался большак, ведущий в западные земли Руси, возникло поселение из охочих людей, обеспечивающих извоз и почтовую гоньбу. То бишь ямщиков, содержащих лошадей, что отвозили в назначенные места почту, грузы и государевых людей, спешащих по казенной надобности. А это вам не какое-то там баловство...

С течением времени селение все более разрасталось, расширяя свои границы и захватывая заливные пойменные луга близ Волги, которые превращались помалу в огороды и места для выпаса скота. Благо что трава там всегда росла высокая и очень сочная. В селении образовались улицы, переулки, тупики. Возникло и вполне логичное название — Ямская слобода. А в первой половине восемнадцатого века слобода вошла в границы города, поскольку находилась недалеко от центра, то есть кремля. Хотя... Вряд ли от такой экспансии город в чем-то выиграл, кроме разве что увеличения территории. Поскольку в Ямской слободе селились уже не только ямщики и прочие государевы люди, но и остальная публика, зачастую неопределенных занятий и с малым достатком, причем нередко весьма сомнительного, а то и просто темного происхождения.

Для порядка в Ямской слободе держали пару городских, больше занимавшихся мздоимством, нежели исполнением своих первоочередных обязанностей. Городские власти на слободу мало обращали внимания, смотрели буквально вполглаза, да и то всегда без большой охоты. Их не очень-то беспокоили порядок и чистота на окраинах Казани, поскольку нелегко было

обеспечивать аккуратность и на центральных городских улицах. Люди-то, пусть и хорошо одетые и со значительным достатком, по природе своей мало отличались от тех, что проживали в городских слободах. Да и чиновные визитеры из столицы, что время от времени посещали город, проезжали лишь по центральным городским улицам и останавливались исключительно в домах знати. Оттого и ведать не ведали, что делается в городских слободах.

Ну ежели только раз в год, а то и реже того посетит слободу какой-либо средней руки чин из комиссии городской думы, да и то в какой-нибудь из летних месяцев, поскольку по весне или осени здесь из-за непролазной грязи ни пройти (разве что на высоких ходулях, чем неизменно пользовались местные жители), ни проехать. И далее этот невысокий чин, исполнив докучливую обязанность, напишет в отчете, что, дескать, Ямская слобода — местность пыльная и весьма неустроенная в бытовом отношении. С плохими-де немощеными дорогами и с худыми домами сельского типа, среди которых если и имеются каменные дома, так это непременно какие-нибудь склады или рабочие казармы. Либо дешевые ночлежки, где рабочий люд знается с гулящими девками и пропивает полученную

копеечку. И держатели таких ночлежек должного порядку не поддерживают и принципы санитарии совершенно не блюдут.

Для обсуждения отчета визитера соберется думская комиссия, посудачит в глубокой задумчивости о том да о сем и примет решение поручить полицейским чинам навести приличествующий городскому поселению порядок и по наведении оного доложить. Полицейские чины, конечно же, слободу посетят и на собственников домов, что не обеспечивают санитарно-гигиенический порядок, наложат подобающие штрафы, и часто немалые. Однако на том все и завершится до следующего визита в слободу, который закончится аналогичным отчетом, который затем попадет в архив и будет пылиться до тех беспросветных пор, покуда его не изгрызут в труху мыши. После чего его попросту выкинут на городскую свалку. А порядку в слободе как не бывало, так и нет. И целыми десятилетиями в ней ровным счетом ничего не меняется. Вот разве что в худшую сторону, как это нередко бывает в провинциальных городах России. Ну какой может быть порядок там, где в количествах, намного превышающих среднюю норму, проживают тяжкие пропойцы, нищие, мошенники, бывшие каторжане

и жуликоватые личности, которых хлебом не корми, но дай кого-нибудь облапошить? Тем, собственно, и проживали.

Достаточно в Ямской слободе было и падших женщин из числа солдаток или незамужних. Так что ежели кому захочется заполучить низменных удовольствий — так будьте добры пожаловать сюда, в Ямскую слободу. Здесь тебя накормят, напоят и на кушетку уложат с местной распутной мамзелькой, берущей за доставление удовольствия совсем недорого, всего-то тридцать копеек. Даже три выстроенные в Ямской слободе одна за другой мурованные церквушки не сделали благочестивым ее население, хотя и имели предостаточное количество прихожан. Да что там говорить, ежели супротив двух храмов с золочеными куполами, в точности через дорогу и слегка наискосок, стояли питейные заведения, где в любое время дня и ночи можно было купить водку и хорошую закуску. А немного поодаль от третьей церкви имелось двухэтажное каменное здание, в котором размещался «веселый дом» с падшими девками, музыкой, вином и водкой.

Во второй половине девятнадцатого века в слободе стали строиться небольшие фабрики и заводы. А вместе с ними стали появляться

и купеческие домовладения. Слобода крепла, богатела. Появилось немало состоятельных людей. За заводами да фабриками и накопленным добром нужен постоянный хозяйский глаз. Вот и сыновья купца второй гильдии Осипа Терентьевича Тихомирнова, Василий и Иван, выстроили на Первой Ямской улице (главной в слободе) каменный двухэтажный особняк с мезонином. Недалече от него поставили стекольный заводик — лили в специальных машинах колерные бутылки — пивные, ликерные, водочные, для шампанского и для аглицкой горькой настойки, что приводит в тонус желудка и будит нешуточный аппетит. А еще изготавливали разных фасонов фужеры, рюмки, стопки, стаканы и прочую стеклянную посуду из цветного и бесцветного стекла.

После Октябрьской революции стекольный завод, где директором некоторое время был один из сыновей Осипа Терентьевича, был национализирован. Перемены на пользу не пошли, предприятие стало потихоньку сбавлять обороты, и к началу сорокового года его и вовсе остановили за ненадобностью. Наследники купца Осипа Терентьевича Тихомирнова бесследно исчезли. Кто-то говорил, что они в начале двадцатых уехали за границу, кто-то

заявлял, что обоих братьев с семьями расстреляли недалеко от железнодорожной насыпи чекисты. Опустевший же дом Тихомирных передали в распоряжение областного земельного управления, и там довольно долгое время проживал работный люд Фабрики киноплёнки № 8. К началу сороковых годов фабрика разрослась, сделалась одной из ведущих в своей отрасли и построила рядом со своим производством два больших общежития для рабочих и служащих. И фабричные рабочие съехали из дома в Ямской слободе, поскольку уж слишком долго приходилось добираться им до места работы.

Весной сорок первого года дом Тихомирных на бывшей Первой Ямской основательно подремонтировали, в некоторых местах поменяли кладку, покрасили фасад и устроили в нем две отдельные жилые квартиры: трехкомнатную на втором этаже и однокомнатную на первом. Вскоре обе квартиры были заселены. Второй этаж дома заняла семья инженеров, состоящая из Кирилла и Марины Поздняковых, их сына-подростка Матвея, малолетней дочери Матрены и отца Марины — Степана Кирилловича. Первый этаж заняла семья Волосюк, состоящая из двух человек: отставного майора внутренней